

УДК 930.85

DOI: 10.24411/1999-5407-2020-10402

**АНАЛИЗ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ ОБРАЗОВ ПРОШЛОГО:
ОТ АРХАИКИ ДО РЕНЕССАНСА****М. Л. Шуб***Челябинский государственный институт культуры, Челябинск*

Ключевые положения исследования осуществлены в рамках программы грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих молодых российских ученых – докторов наук (Конкурс МД-2020), проект «Культура памяти индустриальных городов российской провинции: мемориальные стратегии региональной идентичности»

В статье рассматриваются основные историко-культурные типы восприятия прошлого – образы минувшего, характерные для различных культур: первобытной («фантомное прошлое»), античной («фрактальное прошлое»), средневековой («полифоническое прошлое»), ренессансной («реинкарнированное прошлое»).

Под образом прошлого понимается совокупность конструируемых, исторически изменчивых, но локально устойчивых, социальных (коллективных) представлений о прошлом, которые, с одной стороны, отражают характерные и значимые для данной культуры установки (актуалистски-детерминированный характер), а с другой – оказывают значительное влияние на их формирование (актуалистски-детерминирующий характер). Ключевым отличием образа прошлого от исторических представлений о нем является его ценностная, субъективная, эмоционально-оценочная природа.

В целом роль анализ исторической динамики представлений о прошлом и выделение образов прошлого, соответствующих различным этапам историко-культурного процесса, позволяют более полное, глубоко и системно осмыслить его специфику, вскрыть природу.

Ключевые слова: прошлое, образ прошлого, история культуры, культурно-историческая динамика.

Методологические основания конструирования образа прошлого

Каждая историко-культурная эпоха формирует собственную темпоральную картину мира, включающую в себя систему представлений о настоящем, будущем и прошлом. Такая картина мира, с одной стороны, создается под мощнейшим влиянием социокультурного контекста, а, с другой, безусловно, влияет на мировоззренческие, идеологические, ценностно-нормативные основания культуры. Представления о различных модусах времени не тождественны рациональному знанию о них, поскольку базируются не столько на логических, сколько на эмоционально-оценочных принципах, являя собой их образную, а не научную репрезентацию.

Под *образом прошлого* (именно его историко-культурной динамике посвящена данная статья) следует понимать совокупность конструируемых, исторически изменчивых, но локально устойчивых, социальных (коллективных) представлений о прошлом.

Воссоздание культурно-исторических типов образов прошлого связано с целым рядом методологических и процедурных «оговорок».

Во-первых, реконструкции подвергается, условно говоря, собирательный образ прошлого, составленный на основании изучения различных «темпоральных символических универсумов» [9. С. 229], источников представлений о прошлом:

обыденного знания, искусства, философии, знания о трансцендентной реальности (мифы, религия), идеологии (за пределами внимания останутся лишь естественные науки). Значимость и доминирование того или иного темпорального универсума продиктованы характером исторической эпохи, преобладающей мировоззренческой системой, степенью социальной и идеологической дифференциации и пр.

Как показывает опыт, чем выше последние, чем динамичнее культура, тем сложнее составить комплексное представление о восприятии прошлого (особенно это относится к современности) – слишком разнородными и неуловимыми они предстают.

Во-вторых, в эпицентр исследовательского внимания попадают представления именно о прошлом, а не специфика восприятия времени в целом (это значительно более масштабная проблема).

В-третьих, сама необходимость обращения к воссозданию историко-культурного образа прошлого продиктована практически полным отсутствием посвященных данной проблеме работ. Исключением можно назвать лишь монументальный труд И. М. Савельевой и А. В. Полетаева «Знание о прошлом: теория и история» [8], однако и он, на наш взгляд, не лишен недостатков (содержит спорные, а порой и противоречивые высказывания, недостаточно структурирован, избыточен излишними деталями и подробностями, затмевающими магистральную мысль). В других же работах либо рассматриваются вопросы более широкого порядка (восприятие времени в целом), из которых чрезвычайно трудно вычлениить специфику представлений о прошлом, либо осуществляется апелляция исключительно к проблемам формирования исторического сознания и исторического мышления, либо реконструируется образ прошлого в его конкретном историко-культурном измерении (например, только в эпоху римской Античности или только в эпоху итальянского Ренессанса).

В-четвертых, проводимый анализ ограничен границами Европы (за исключением эпохи архаики) в силу того, что Европа представляет собой относительное целостное социокультурное пространство (в отличие, скажем, от культуры Востока), в рамках которого возможно выделение относительно общих тенденций формирования образа прошлого, закономерностей его трансформаций, выявление механизмов преемственности в развитии его отдельных черт, эволюционных и новационных процессов.

Историко-культурные типы образов прошлого: от архаики до Ренессанса

1. Архаичный образ прошлого: «Фантомное прошлое».

Вопрос об истоках формирования темпоральных представлений является открытым. Часть исследователей считают их врожденными, некоторые склонны искать их в недрах первобытной культуры, некоторые – связывают их появление со временем зарождения государств. Градус дискуссионности в данном вопросе во многом продиктован различными подходами к истолкованию самого понятия темпоральности.

Нам представляется справедливой идея о том, что выработанные в эпоху первобытного общества представления о времени в целом и о прошлом в частности могут быть обозначены как «фантомные». «Фантомное прошлое» *существовало* в его архаическом, антиисторическом, циклически-обратимом, мифологизированном, архетипическом понимании и одновременно *не существовало* в его чисто научной трактовке. Фантомность в данном случае апеллирует к призрачности прошлого, к иллюзии присутствия того, чего нет на самом деле (можно в этой связи вспомнить чисто медицинский термин «фантомные боли»).

Такое прошлое, действительно, не отделялось от сиюминутной реальности, не хронометрировалось, не уходило безвозвратно вглубь веков, сосуществуя вместе с тем, что происходило в «настоящем» (статичном, лишенном временного измерения). Это было возможным благодаря тому, что прошлое бесконечно воскрешалось в актуальности,

возвращалось в ритуальной практике, в ситуациях «магической эманации», как их обозначил Ж. Ле Гофф [5. С. 27].

Таким образом, для архаичного образа прошлого были характерны следующие черты:

– фантомность (дихотомичность бытия и небытия прошлого: бытие осуществлялось в точках возвращения к истокам, к вечности, к архетипическому правремени, в стремлении к его обновлению; небытие – в сфере несформированности представлений о времени как структурированной и изменчивой длительности и о прошлом как последовательности необратимых событий);

– аксиологизация прошлого и дезаксиологизация настоящего;

– доминирование циклического варианта динамической модели времени, задаваемой природными циклами и визуализируемой в ритуалах «вечного возвращения»; зарождение латентных представлений о линейности времени (ритуалы обнуления времен, завершения прошлого);

– презентизм (соприсутствие прошлого как вечности в настоящем);

– пространственность (закрепление прошлого не на хронологической, а на пространственной оси координат в архаической модели мира).

2. Античный образ прошлого: «Фрактальное прошлое».

Античный образ прошлого во многом унаследовал его архаичные черты в силу сохранения мифологичности мышления. Однако в структуру античного образа прошлого впервые стали проникать новые элементы его рационального, исторического осмысления. Более того, в структуре темпоральных представлений и греков, и римлян старые (мифологические) и новые (протонаучные) черты устойчиво сосуществовали, взаимопроникали и взаимообуславливали друг друга. На этом основании представляется целесообразным объединить их в границах понятия «фрактальное прошлое».

В строгом смысле слова, фрактал – это множество, обладающее свойствами самоподобия, при котором целое имеет примерно ту же форму, что и одна из его частей. Фрактальность в контексте данной статьи понимается как репрезентация в античном образе прошлого взаимосвязанных и взаимообуславливающих источников представлений о прошлом – народно-мифологического и научно-интеллектуального, которые, отличаясь формально, содержательно во многом совпадали).

Помимо фрактальности античному образу прошлого также были свойственны:

– аксиологизация прошлого и дезаксиологизация настоящего;

– сосуществование циклической и линейной динамических моделей времени, сохранение идей «вечного возвращения» прошлого;

– синтез презентизма и «протоисторического сознания» (М. Барг), то есть зарождающихся представлений о дифференцированности, структурированности времени и автономном, специфичном статусе прошлого;

– пространственная организация прошлого.

Значимым отличием древнегреческого образа прошлого от древнеримского, пожалуй, является то, что в рамках первого преобладали черты раннемифологического атемпорального восприятия действительности, а для второго – ее историческое и зарождение новых, хотя все еще не исторических взглядов на него. По поводу темпоральных представлений древних греков И. Хасанов писал: «В дошедших до нас мифах, а также в таких ранних художественных произведениях, как гомеровские эпосы, мы имеем уже описание разворачивающихся во времени событий... Отличие этого “временного” мира гомеровских эпосов от раннемифологического безвременного, пожалуй, только в том, что гомеровский мир находится в своеобразном “временном пространстве”, в котором автор может совершенно произвольным образом выбирать свою позицию, с которой он обозревает и описывает этот мир, тогда как в раннемифологическом мире все, чт. е., было и будет, существует единомоментно и никак не упорядочено во времени,

поскольку еще не существует представления о линейно растянутом времени» [10, С. 44]. Древнегреческой культуре было присуще то, что М. Барг назвал «протоисторизмом» – зачаточной стадией осознания прошлого, при которой «на фоне вселенской драмы, в которую втянуты все обитатели Олимпа... пробивается мысль о специфике человеческого бытия» [1. С. 42].

В римском же образе прошлого «просвечивает» стремление к его объективному осмыслению, структурированию, освобождению от статичности и неподвижности, от диктата цикличности, от слепого поклонения опыту минувших поколений, от объяснения истории через активность богов и героев [4. С. 283–284].

3. Средневековый образ прошлого: «Полифоническое прошлое».

Описание образа прошлого в эпоху Средневековья представляется еще более сложной задачей, чем, скажем, в эпоху Античности, по нескольким причинам. Во-первых, в силу политической, экономической, социальной, духовной неоднородности средневекового общества. Безусловно, и греческое, и римское общество так же были дифференцированными, а их политическая история знала смены режимов. Однако в Средние века имело место значительное число кардинальных исторических «сдвигов» (образование варварских королевств, развитие городов, крестовые походы и др.), которые принципиальным образом изменяли картину мира средневекового человека.

Во-вторых, в эпоху Средневековья сложилось несколько альтернативных картин мира, соответствующих и сословной принадлежности человека, и, как следствие, уровню его образованности: скажем, в среде духовенства и аристократии господствовала христианская доктрина мироустройства, горожане и крестьяне разделяли народно-мифологический взгляд на него.

В-третьих, при воссоздании средневековой картины прошлого основными, доступными являются лишь письменные источники, которые фиксировали, главным образом, официальный взгляд на минувшее. Большинство же населения было безграмотным, ориентированным не на написанное, а на сказанное слово. Как точно подметил Ж. Ле Гофф: «Феодализм – это мир жестов, а не записанного слова» [5. С. 36].

Безусловно, воссоздание монолитной картины мира средневекового человека представляется весьма затруднительным, поскольку само понятие «средневековый человек» можно назвать абстракцией: «Выявляя общее в применявшихся в ту эпоху культурных категориях, приходится все время помнить: средневековое общество было обществом феодалов и крестьян, горожан и жителей деревни, образованных и неграмотных, клириков и мирян, ортодоксов и еретиков» [2. С. 24].

Учитывая все обозначенные обстоятельства, мы полагаем, что именно в силу того, что средневековые представления о прошлом не были монолитными и в социальном измерении (зависели от сословной принадлежности и «объекта историописания»), и в «историческом» (менялись со временем), их можно назвать *полифоническими*. Под полифоничностью в данном случае понимается наполненность средневекового образа прошлого различными, социально детерминированными, порой противоречивыми темпоральными «мелодиями», мировоззренческим «многоголосием», образующими тем не менее целостное символично-семантическое пространство. Следует назвать и иные характерные для средневековой темпоральной картины мира особенности:

- синкретизм ретроориентированности культуры (античная традиция сакрализации прошлого, усиленная представлением о прошлом как времени сотворения мира и рождения Христа) и ориентированности ее в будущее (Второе пришествие Спасителя);
- отсутствие интереса ко времени как четко определенной, структурированной длительности в народной средневековой культуре на фоне возрастающего интереса к проблеме определения структуры времени в христианской теологической мысли;

- сосуществование циклических, линейных и комбинированных концепций времени;
- презентизм, воплощенный в средневековом анахронизме (практика интерпретации прошлого в категориях современности);
- сосуществование сакрального (анонсированного церковью, основанного на библейском тексте, отрицавшего идею спонтанного развития, но признававшего идею развертывания изначального плана) и профанного (связанного с расположением на оси времени событий земной жизни, с родовой историей) образов прошлого.

4. Ренессансный образ прошлого: «Реинкарнированное прошлое».

По мнению целого ряда исследователей, именно эпоха итальянского Возрождения положила начало формированию исторической картины мира и научного восприятия прошлого как темпоральной среды, принципиально отличной от настоящего, эпистемологически замкнутой, а потому доступной для рациональной рефлексии: «Гуманисты... подчеркивали историческую дистанцию между своим временем, с одной стороны, и античностью – с другой. От последней их отделял тысячелетний “темный век”. В итоге она оказывалась отошедшей безвозвратно в прошлое, замкнутой в себе и завершенной эпохой» [6. С. 189]. Таким образом, можно говорить о формировании исторического отношения к прошлому, обособлении прошлого от настоящего, понимании необратимости минувших событий, их дистанцированности от современности и в конечном итоге – о преодолении архаичного презентизма.

Значимой чертой ренессансного образа прошлого также было преодоление ретроориентированности культуры, формирование актуалистских настроений, понимание настоящего как главного модуса времени, как наступившего «золотого века», а прошлого – с одной стороны, как источника ценностей и норм, проверенных временем, с другой – как фундамента непревзойденного величия современности.

Прошлое, выступавшее источником великих пророчеств, обетов и откровений, представало лишь залогом величия настоящего, в котором эти пророчества сбывались, обеты исполнялись, а откровения находили свое воплощение. Многие итальянские гуманисты примеряли «на себя образ богоизбранного героя, в чьей судьбе исполняется обетование, данное многими веками ранее, или находит воплощение закон, которым движется ход истории» [3. С. 212].

Однако такое «свеженаучное восприятие прошлого» [1. С. 188], рожденное, прежде всего, в интеллектуальной среде итальянских гуманистов, сосуществовало со средневековой темпоральной картиной мира, господствовавшей в ремесленно-крестьянской социальной среде.

В целом же можно говорить о реинкарнированном образе прошлого, сложившемся в эпоху Возрождения. В данном случае реинкарнированность прошлого – это его повторное воплощение в ренессансном настоящем в новой «телесной оболочке» – модернизированной, актуализированной, приспособленной к современности). С одной стороны, прошлое воспринималось как «золотой век», как кладезь высших ценностей и образцом для подражания. С другой стороны, ренессансная культура существовала в извечном противостоянии с минувшим, в котором настоящее «оказывалось неизменным победителем, сокрушая прошлое его же оружием и на его же территории» [5. С. 213]. Ю. И. Иванова назвала эту ситуацию «парадоксом подражания как способа обретения идентичности» [3. С. 214].

Заключение

Таким образом, каждой из рассмотренных историко-культурных эпох соответствовал собственный образ прошлого: архаической культуре – фантомный, античной – фрактальный, средневековой – полифоничный, ренессансной – реинкарнированный. Стоит отметить, что в строгом смысле слова образ прошлого сформировался только

в эпоху Древнего Рима, поскольку именно римляне предприняли первые попытки осмысления прошлого как феномена, дистанцированного от настоящего и обладающего специфическими по сравнению с ним чертами (в пространстве первобытной культуры прошлое имело статус вневременной вечности, а древнегреческая – осмысливала его в категориях пространственных, а не хронологических связей). Другими словами, только в древнеримской культуре начался процесс дифференциации времени и зарождения исторического мышления, получивший дальнейшее развитие в культуре европейского Средневековья и особенно в культуре итальянского Ренессанса.

Список литературы

1. Барг, М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма / М. А. Барг. – Москва: Мысль, 1987. – 350 с. – Текст : непосредственный.
2. Гуревич, А. Я. Категории Средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – Москва: Искусство, 1984. – 350 с. – Текст : непосредственный.
3. Иванова, Ю. В. Сознание времени в гуманистической культуре Ренессанса: между авторитетом древности и суверенностью настоящего / Ю. В. Иванова. – Текст : непосредственный // Образы времени и исторические представления / Под ред. Л. П. Репиной. – Москва: Кругъ, 2010. – С. 203–225.
4. Кнабе, Г. С. Историческое время в Древнем Риме / Г. С. Кнабе. – Текст : непосредственный // Древний Рим – история и повседневность. – Москва: Прогресс, 1991. – С. 279–298.
5. Ле Гофф, Ж. История и память / Ж. Ле Гофф. – Москва: Российская политическая энциклопедия, 2013. – 303 с. – Текст : непосредственный.
6. Панофский, Э. Этюды по иконологии: Гуманистические темы в искусстве Возрождения / Э. Панофский. – Москва: Издательский Дом «Азбука-классика», 2009. – 432 с. – Текст : непосредственный.
7. Панофский, Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. – Москва: Изд-во «Азбука-классика», 2006. – 544 с. – Текст : непосредственный.
8. Савельева, И. М. Знание о прошлом: теория и история / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – Москва: Наука, 2003. – 632 с. – Текст : непосредственный.
9. Савельева, И. М. Феномен прошлого / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – Москва: ГУВШЭ, 2005. – 476 с. – Текст : непосредственный.
10. Хасанов, И. А. Время: природа, равномерность, измерение / И. А. Хасанов. – Москва: Прогресс-традиция, 2001. – 143 с. – Текст : непосредственный.

ANALYSIS OF THE CULTURAL AND HISTORICAL DYNAMICS OF THE IMAGES OF THE PAST: FROM ARCHAIC TO RENAISSANCE

M. L. Shub

Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, shubka_83@mail.ru

The article examines the main historical and cultural types of perception of the past - images of the past, characteristic of various cultures: primitive (“phantom past”), ancient (“fractal past”), medieval (“polyphonic past”), Renaissance (“reincarnated past”) ...

The image of the past is understood as a set of constructed, historically changeable, but locally stable, social (collective) ideas about the past, which, on the one hand, reflect attitudes characteristic and significant for a given culture (actualist-deterministic character), and on the other hand, they have a significant impact on their formation (actualist-determining

character). The key difference between the image of the past and historical ideas about it is its value, subjective, emotional and evaluative nature.

In general, the role of the analysis of the historical dynamics of ideas about the past and the identification of images of the past corresponding to different stages of the historical and cultural process, allow a more complete, deeply and systemically comprehend its specifics, reveal nature.

Keywords: past, image of the past, cultural history, cultural and historical dynamics.

References

1. Barg, M. A. (1987). *Epochi i idei: Stanovlenie istorizma* [Epochs and Ideas: Formation of Historicism]. Moscow: Thought, 350 p. (in Russ).
2. Gurevich, A. YA. (1984). *Kategorii Srednevekovoj kul'tury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow: Art, 350 p. (in Russ).
3. Ivanova, Yu. V. (2010). Soznanie vremeni v gumanisticheskoy kul'ture Renessansa: mezhdru avtoritetom drevnosti i suverennost'yu nastoyashchego [Consciousness of time in the humanistic culture of the Renaissance: between the authority of antiquity and the sovereignty of the present]. *Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya* [Time images and historical representations]. Moscow: Krug, pp. 20–225 (in Russ).
4. Knabe, G. S. (1991). Istoricheskoe vremya v Drevnem Rime [Historical time in Ancient Rome]. *Drevniy Rim – istoriya i povsednevnost'* [Ancient Rome - history and everyday life]. Moscow: Progress, pp. 279–298 (in Russ).
5. Le Goff, Zh. (2013). *Istoriya i pamyat'* [History and memory]. Moscow: Ros. polit. Encikl., 303 p. (in Russ).
6. Panofskij, E. (2009). *Etyudy po ikonologii: Gumanisticheskie temy v iskusstve Vozrozhdeniya* [Etudes in Iconology: Humanistic Themes in the Art of the Renaissance]. Moscow: Publishing House “Azbuka-Klassika”, 432 p. (in Russ).
7. Panofskij, E. (2006). *Renessans i «renessansy» v iskusstve Zapada* [Renaissance and “renaissances” in Western art]. Moscow: Publishing House “Azbuka-Klassika”, 544 p. (in Russ).
8. Savel'eva, I. M. & Poletaev, A. V. (2003). *Znanie o proshlom: teoriya i istoriya* [Knowledge of the past: theory and history]. Moscow: Science, 632 p. (in Russ).
9. Savel'eva, I. M. & Poletaev, A. V. (2005). *Fenomen proshlogo* [Phenomenon of the past]. Moscow: GUVSHE, 476 p. (in Russ).
10. Hasanov, I. A. (2001). *Vremya: priroda, ravnomernost', izmerenie* [Time: nature, uniformity, measurement]. Moscow: Progress-tradition, 143 p. (in Russ).

Шуб Мария Львовна, доктор культурологии, доцент, заведующая кафедрой культурологии и социологии, Челябинский государственный институт культуры.

shubka_83@mail.ru